

ФИЛОСОФИЯ

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 4, с. 5–16
<http://yearbook.uran.ru>

К ДИСКУССИИ О ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(38) (092)

Олег Анатольевич Матвейчев

кандидат философских наук,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: omlet@km.ru

Статья представляет собой историографический обзор основных концепций генезиса древнегреческой философии, появившихся в XVIII–XX вв. Автор утверждает, что вплоть до XVIII в. древнегреческая философия не воспринималась как самостоятельный, особенный феномен и, следовательно, вопрос об истоках и генезисе просто не мог быть поставлен. «Поворот к грекам» в истории философии происходит у Д. Тидемана, автора понятия «дух времени» (*Zeitgeist*). Мощнейшее воздействие на все последующее развитие философской мысли оказало учение Гегеля, в котором в наиболее законченном виде проявился принцип историзма. Древнегреческой философии в ряду других этапов развития абсолютного духа Гегель отводит особое место, утверждая, что именно с нее и начинается философия в собственном смысле. Радикализовав эту гегелевскую идею, еще один авторитетнейший историк философии, Э. Целлер, вступил в полемику с господствовавшим в начале–середине XIX в. панориентализмом, отрицая какое бы то ни было внешнее влияние на раннюю греческую философию. Вместе с тем Целлер полемизировал и с гегелевским априоризмом, выдвинув на передний план историко-философской науки источниковедение и первым изучив, сопоставив и интерпретировав все имеющиеся на то время труды древнегреческих мыслителей. Фактически вся последующая историко-философская наука развивалась в полемике либо с Гегелем, либо с Целлером. При этом в историко-

философских учениях XIX–XX вв. можно обнаружить несколько противоборствующих подходов к проблеме происхождения древнегреческой философии. В методологическом плане априоризму Гегеля и его последователей противостоит эмпиризм Целлера, близкий также Я. Буркхардту, В. Виндельбанду, Т. Гомперцу, Г. Дильсу и др. Относительно возможной преемственности между философией и дофилософскими формами сознания дискуссия развернулась между адептами мифогенной (Ф. Корнфорд, А. Вебер, Дж. Томсон) и гносеогенной (В. Виндельбанд, Т. Гомперц, Дж. Бёрнет, Г. Дильс) концепций; впрочем, был и ряд мыслителей, которые предприняли попытки преодолеть их крайности (У. Гатри, Ж.-П. Вернан). По поводу внутренних и внешних источников ранней греческой философии спор шел между сторонниками автохтонной (Ф. Гельдерлин, Г. Гегель, Э. Целлер, Дж. Бёрнет) и ориентальной (Ф. Шлейермахер, А. Гладиш, А. Рёт, П. Таннери, У. Хельшер, Дж. Кёрк, Дж. Рейвен, У. Гатри, М. Уэст, В. Буркерт) гипотез. Все эти дискуссии в той или иной форме продолжают существовать и в наше время. Хорошо представлять себе их истоки и контекст возникновения необходимо, чтобы проникнуть в подлинную, глубинную суть современных дискуссий, не всегда осознаваемую самими диспутантами.

Ключевые слова: философия, история философии, историография античной философии, мифология, религия, наука, Древняя Греция, генезис философии.

Вплоть до XVIII в. древнегреческая философия не воспринималась как самостоятельный, особенный феномен и, следовательно, вопрос об истоках и генезисе просто не мог быть поставлен. «Собранье пестрых глав», хаотический набор мнений мудрецов древности – именно так представлялась античная философия в «Книге о жизни и смерти древних философов и поэтов», написанной англичанином Уолтером Бёрли (Вальтером Бурлеем) в XIV в. и долгое время являвшейся чуть ли не единственным трудом по истории античной философии в Западной Европе.

Впрочем, даже Монтень не ждал от подобных произведений ничего другого, кроме поучительных жизнеописаний, которые донесли бы до нас мнения древних о благе и поведении, и искренне жалел о том, что «у нас нет десятка Диогенов Лаэртиев или нет хотя бы одного, более пространныго и объемистого», чтобы написать такую книгу [Монтень 1979: 363].

Ждал подобную книгу и Френсис Бэкон. «Мне бы хотелось, – пишет он, – чтобы было создано тщательно продуманное сочинение о древних философах, включающее сведения, почерпнутые из жизнеописаний древних философов, из сборника Плутарха об их учениях, из цитат у Платона, из полемики Аристотеля, наконец, из разбросанных и случайных упоминаний, встречающихся в других книгах христианских и языческих писателей (Лактанция, Филона, Филострата и др.) Насколько мне известно, такого сочинения до сих пор не существует». Вместе с тем Бэкону уже не достаточно лишь нагромождения сведений – он требует отдельного и систематического изложения каждого учения: «Ведь любая цельная философская система стоит на собственном основании, и отдельные ее части взаимно укрепляют и разъясняют друг друга; если же их оторвать одну от другой, они теряют свой смысл и становятся непонятными» [Бэкон 1971: 236].

«Заказ» Бэкона выполнил уже в 1655 г. Томас Стэнли, процитировавший приведенные нами слова из труда «О достоинстве и приумножении

наук» в своей «Истории философии». Ограничившись лишь древними учениями, Стэнли с большой тщательностью попытался восстановить их по весьма широкому кругу источников – от Плутарха и Диогена Лаэртского до Суды. Генеральная идея, однако, – вполне в духе того времени – заключалась в том, что философские учения суть учения язычников и с возникновением христианства эпоха философии ушла в прошлое. А язычники – они и есть язычники, греки они либо же халдеи, персы или арабы (всем им нашлось место в труде английского ученого).

Как один из ранних этапов развития человеческой мысли от дикого, языческого состояния к высокоразвитой христианской науке греческая философия предстает и в «Истории философии в семи книгах» Джорджа Хорна (Георга Горна), вышедшей в том же 1655 г.¹, а также в пятитомной «Критической истории философии от сотворения мира до нашего времени» Иоганна Якоба Брукера (1742–1744). Последний делил историю мировой философии на три этапа: от сотворения мира до основания Рима, от основания Рима до Возрождения и от Возрождения до нынешних времен. Древнегреческая философия, относящаяся к первому этапу, по мнению автора, не представляла собой самоценный феномен и во многом была обязана своим возникновением «варварским учениям», в первую очередь египетским.

Гипотезу о восточном происхождении греческой философии разделял и Андрэ Франсуа Буаро-Деланд. В своей «Критической истории философии» (1737) он, в частности, показал, что греки, свысока относившиеся к «варварам», на деле переняли у них очень многое. Так в истории западной философии, пожалуй, впервые появляется ориенталистская тема, впоследствии ставшая весьма влиятельной и популярной. Относительно происхождения философии Буаро-Деланд настаивает, что она возникла одновременно у всех народов как «побочный эффект» занятий наукой и законодательством и что древние греки не были в этом ряду чем-то выдающимся.

Сегодня это кажется удивительным, но до второй половины XVIII в. ученых вообще мало интересовала тема Древней Греции – их интерес к античности в основном ограничивался Древним Римом. «Поворот к грекам» произошел, прежде всего, благодаря Иоганну Винкельману, основоположнику научной истории искусств, провозгласившему превосходство греческого искусства над искусством других народов [Винкельман 2000: 101].

«Поворот к грекам» и пробуждающееся чувство истории привели к тому, что греческая философия, наконец, получает «постоянную прописку» в своей эпохе. Начало этому положил, судя по всему, Дитрих Тидеман, автор книги «Первые философы Греции, или Жизнь и системы Орфея, Ферекида, Фалеса и Пифагора» (1780) и шеститомного труда «Дух спекулятивной философии» (1791–1797). По мысли Тидемана, каждая эпоха обладает своим характером, определяющимся сочетанием ведущих (наиболее «успешных») философских идей, политических, эстетических и прочих воззрений. Именно Тидеман ввел в научный оборот понятие «дух времени» (Zeitgeist),

¹ Помимо учений эллинов автор описывает воззрения Адама, Авеля, Ноя, Януса, а также скифов и гипербореев.

чтобы выразить мысль о тесной связи философии с другими сферами жизни общества – политикой, правом, литературой, моралью, модой. Соответствие духу времени и есть главный критерий философского учения, а вовсе не степень его «истинности». И в этом отношении философия древних греков в ее лучших образцах столь же совершенна, что и современная.

Мощнейшее воздействие на все последующее развитие философии оказало учение Гегеля, в котором в наиболее законченном виде проявился принцип историзма, развивавшийся (правда, за пределами истории философии) целым рядом мыслителей XVIII – начала XIX в., от Вико и Гердера до Канта и Фихте. Наиболее подробно вопросы истории философии разрабатывались Гегелем в берлинский период его деятельности (1818–1831); опубликованы его лекции были Карлом Мишле в 1833–1836 гг.

Для Гегеля история философии – это не простой перечень мнений и не только лишь «галерея героев мыслящего разума» [Гегель 1993: 69], но единый логический процесс развития абсолютного духа в мировой истории. Развитие это последовательно поступательное, поэтапное, каждый этап внутренне необходим, каждая философская система «есть изображение особенного момента, или особенной ступени в процессе развития идеи» [Гегель 1974: 219].

И как каждый человек – сын своего времени, так и философия есть время, постигнутое в мысли [Гегель 1990: 55]; это продукт духа времени (Zeitgeist), но рождающийся не вместе со своей эпохой, а на ее исходе: «В качестве мысли о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения. ... Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [Гегель 1990: 56].

Такова и древнегреческая философия, которой в ряду других этапов развития абсолютного духа Гегель отводит особое место, утверждая, что именно с нее и начинается философия в собственном смысле. На Востоке для зарождения философии нет главного условия – свободы мышления, с практической стороны связанной с политической свободой: «...философия выступает в истории лишь там и постольку, где и поскольку образуется свободный государственный строй» [Гегель 1993: 146]. И происходит это именно в древней Элладке.

Хронологически Гегель локализует начало греческой философии в VI в. до н.э., в период упадка ионийских свободных государств в Малой Азии. «Когда погиб этот прекрасный мир, самостоятельно развившийся и достигший высокого уровня культуры, тогда появилась философия» [Гегель 1993: 189-190]. Первыми философами стали так называемые семь мудрецов, жившие «в период перехода греков от патриархального правления царей к правовому или насильственному правлению» [Гегель 1993: 190-191].

Гегелевский призыв исключить восточную мысль из истории философии пришелся на время, когда в Европе торжествовала противоположная тенденция, и голос Гегеля звучал дерзко и почти одиноко; исключение составляет лишь его друг Гёльдерлин, убежденный не только в том, что философия пошла от эллинов, но также и в том, что именно у эллинов и

была подлинная философия, равно как подлинное искусство и религия (это убеждение много позднее унаследует от Гёльдерлина Мартин Хайдеггер). «Народ философов» – именно так и не иначе Гёльдерлин характеризует греков в «Гиперионе» [Гёльдерлин 1988: 147, 148]. Грек «вышел прекрасным из рук природы», развивался независимо от навязываемых извне различных влияний и стал способен к познанию вечной красоты, что и является, по Гёльдерлину, условием появления философии [Гёльдерлин 1988: 142-151].

Между тем как раз на начало XIX в. пришелся пик панориентализма, основывавшегося на компаративных исследованиях киклических поэм и финикийской и египетской мифологий, открытиях экспедиций К. Нибура и Наполеона и т.д. Ничтоже сумняшеся ориенталисты постулировали вторичность эллинской цивилизации по отношению к ближневосточным и тренд этот был представлен и в истории античной философии.

Так, например, Фридрих Шлейермахер, изучая в 1808 г. фрагменты Гераклита, пришел к выводу о значительном влиянии на философию Эфесца «иранской мудрости». К подобному мнению относительно Гераклита склонялся в 1819 г. и Фридрих Крейцер, известный своим убеждением о единстве всех древних религий и протофилософий мира.

В 1840–1860-х гг. с целой серией книг о восточных корнях греческих философских учений выступил Август Гладиш – характерны сами их названия: «Пифагорейцы и китайцы» (1841), «Элейцы и индейцы» (1844), «Эмпедокл и египтяне» (1858), «Гераклит и Зороастр» (1859), «Анаксагор и израильтяне» (1864).

К тому же периоду относятся и основные произведения А. Рёта, «патентованного» египтомана и одного из наиболее ревностных приверженцев восточной гипотезы, пытавшегося «с блестящей фантазией ... воскресить объяснения новоплатоновцев, которые при помощи аллегорических толкований и перетолкований подсовывали к пришедшим с Востока мифическим взглядам философские учения Греции, чтобы снова найти их в первых как древнейшую мудрость» [Виндельбанд 1995: 32].

Несмотря на, казалось бы, повальное увлечение Востоком и доминирование панориенталистских тенденций как в исследованиях древней истории, так и в лингвистике середины XIX в., у восточной гипотезы находились и яростные критики. В их числе оказался Эдуард Целлер, автор фундаментальной «Греческой философии в ее историческом развитии» (1844–1852). Радикализируя гегелевскую идею о том, что в собственном смысле философия появилась только в Древней Элладе, Целлер отрицал какое бы то ни было внешнее влияние на раннюю греческую философию. Он заявил с предельной резкостью, что у древнейших представителей греческой философии «не обнаруживается ни одно из явлений, которые в других случаях всегда встречаются, когда народ заимствует свое знание из-за границы: в ней нет никакой борьбы между местным и чужим, нет употребления непонятных формул, нет ни следа самостоятельного заимствования и подражания воспринятому» [Целлер 1996: 32-34].

Философ гегелевской школы, Целлер довольно скоро отказался от соблазна конструировать историю философии, исходя из одной «единственно

верной» априорной идеи. «Непреходящая заслуга Гегеля состоит в том, что он более настойчиво, чем кто-либо до него, указал на ... закономерную взаимосвязь исторических явлений и рассмотрел с этой точки зрения именно историю философии. Но неверно и обманчиво было при этом понимать всякую взаимосвязь как чисто логическую и провозглашать принцип, в соответствии с которым последовательность философских систем идентична последовательности логических категорий и может быть подобно им обнаружена с помощью диалектической конструкции» [Целлер 2006: 107].

Именно Целлер выдвинул источниковедение на передний план историко-философской науки, первым изучив, сопоставив и интерпретировав все имеющиеся на то время труды античных философов. Результаты его работы сохраняли научную ценность более века. Алексей Лосев еще в 1975 г. утверждал, что Целлер «в смысле позитивного изучения фактов всех превзошел и не превзойден еще до сих пор» [Лосев 2000: 861].

В вопросе о происхождении греческой философии Целлер был последовательным приверженцем автохтонной гипотезы, утверждая, что «греческая философия носит всецело национальный характер» [Целлер 1996: 33]. Как и Гегель, он настаивал на том, что ни один народ до древних эллинов не обладал философией. Почва же для возникновения философии в Древней Греции была подготовлена уникальным сочетанием целого ряда факторов, среди которых Целлер выделяет: 1) умеренный климат, приносивший дары «лишь тем, кто умел добывать их собственной деятельностью»; 2) грандиозную греческую колонизацию, образовавшую «широкую арену для собственной национальности»; 3) отсутствие жречества (а стало быть, теократической иерархии и религиозной догматики); 4) вытеснение в большинстве полисов древних аристократий, послужившее установлению гражданских свобод, развитию демократии и воспитанию уважения к закону. «Из свободы, в которой жизнь развивалась во всех своих проявлениях, научная мысль черпала ту независимость и смелость, которая восхищает нас уже в древнейших греческих философах. Чутье к порядку и закону, развившееся в практической жизни, требовало и в теоретическом мирозерцании, чтобы все единичное было объединено в целое и подчинено законам этого целого» [Целлер 1996: 35].

Среди непосредственных источников греческой философии Целлер выделяет 1) религию, лишенную строгой организованности, которая бы препятствовала свободному движению и прогрессу мышления у греков (непосредственно на философию повлияла в малой степени); 2) социальную практику («живая подвижность и многообразные запросы гражданской жизни должны были содействовать формальному упражнению мышления и речи»); 3) поэзию, сумевшую подвести «итоги теологическим, космологическим и этическим воззрениям греческих племен в изображениях и изречениях, которые современникам и потомству представлялись выражением общепризнанной истины»; 4) «научные стремления» (в первую очередь, в области математики, астрономии и медицины) [Целлер 1996: 34-36]. Характерно, что Целлер не относит к источникам греческой философии древние космогонии, в которых «в основе картины

происхождения мира лежат лишь весьма простые восприятия и размышления и еще не ставится вопрос о естественных причинах вещей» [Целлер 1996: 36], и, как уже было сказано, восточные воззрения, всю свою долгую творческую жизнь, оставаясь «строгим блюстителем чистоты эллинского философского гения» [Лебедев 1983: 51]. Именно благодаря Целлеру восточная гипотеза быстро растеряла своих сторонников, и долгое время в историко-философской науке раздавались лишь осторожные призывы придерживаться «взвешенной» позиции. О ближневосточных влияниях на восточных греков писали, в частности, Вильгельм Виндельбанд (1888) и Теодор Гомперц (1896), оговариваясь, впрочем, что влияния эти ограничены областями естественных наук – математики и астрономии [Виндельбанд 1995: 33; Гомперц 1999: 49-50].

Строго говоря, ни математика, ни астрономия не достигли у ближневосточных народов теоретического уровня, оставаясь сводом чисто практических знаний. Именно греки начали задаваться вопросами о первопричинах, сущностях, взаимосвязи явлений и, стало быть, философствовать. И Виндельбанд, и Гомперц связывают возникновение философии с формированием основ научного мышления [Виндельбанд 1995: 42-43; Гомперц 1999: 45-47]. Еще более определенно выражался на эту тему Джон Бёрнет, утверждавший в «Ранней греческой философии» (1892), что научное мышление – это мышление по способу греков. Интеллектуальная революция, приведшая к появлению философии, по мысли Бёрнета, заключалась в возведении познания в самоцель, его отрыве от практических нужд. Вслед за Целлером и Гомперцем Бёрнет относит к необходимым условиям появления философии в Древней Греции отсутствие в ней высшей духовной касты – догматичного и консервативного жречества. Свободное греческое мышление, по Бёрнету, отринуло традиционные взгляды на мир и начало движение «от мифа к логосу» (формулировка Вильгельма Нестле), от фантастических представлений к отражению объективного положения вещей и поиску управляющих ими законов.

Идею Бёрнета, что философия появилась из протонаучных наблюдений за природой, сочли наивной уже многие его современники. К ним относился, в частности, Френсис Корнфорд, доказывавший в своей нашумевшей книге «От религии к философии» (1912), что философия не возникает как совершенно новое явление, но естественно и постепенно вырастает из религиозного сознания. Корнфорд убежден, что индивидуальный ум не способен привнести в философию какие бы то ни было новые концепции: философия – это «продукт коллективной ментальности», «анализ религиозного материала» [Cornford 1957: 127, 125], уходящего корнями в структуру племенного общества. По словам Александра Маковельского, для Корнфорда содержание древнегреческой философии «не вышло за пределы религиозного материала, послужившего для нее исходным материалом. Философия лишь анализировала этот материал... Греческая философия имела не творческий, а лишь аналитический характер. Ее источником не был реальный мир вещей, ее системы возникли из анализа прежнего дофилософского мировоззрения» [Маковельский 1999: 36].

Итак, в историко-философских учениях XIX – начала XX в. можно обнаружить несколько противоборствующих подходов к проблеме происхождения древнегреческой философии.

В методологическом плане априоризму Гегеля и его последователей противостоит эмпиризм Целлера, близкий также Якобу Буркхардту, Вильгельму Виндельбанду, Теодору Гомперцу, Герману Дильсу и др.

Относительно возможной преемственности между философией и до-философскими формами сознания дискуссия развернулась между адептами мифогенной (Френсис Корнфорд, Джордж Томсон, в известной мере Альфред Вебер) и гносеогенной (Виндельбанд, Гомперц, Бёрнет, Дильс) концепций.

По поводу внутренних и внешних источников ранней греческой философии спор шел между сторонниками автохтонной (Гельдерлин, Гегель, Целлер, Бёрнет) и ориентальной (Шлейермахер, Гладиш, Рёт, Поль Таннери) гипотез.

Все эти дискуссии в той или иной форме продолжались и в течение всего XX в. Так, взяв паузу более чем на полвека, в середине XX столетия возобновилась полемика о возможных восточных истоках греческой философии. После выхода в 1953 г. статьи Уво Хёльшера «Анаксимандр и истоки философии» [Hölscher 1953] к восточной гипотезе стала возвращаться былая популярность. Ее поддержали Джефффри Кёрк и Джон Рейвен [Kirk, Raven 1957], Уильям Гатри [Guthrie 1962]. А после работ Мартина Уэста [West 1971 и др.] и Вальтера Бурккерта [Burkert 1982 и др.] сомневаться в наличии у греческой философии восточных корней и вовсе стало чуть ли не дурным тоном. Идея о самородности греческой философии и ее доктринальной чистоте, господствовавшая в философской историографии со времен Целлера, практически ушла из философского обихода, сохранившись в качестве рудимента лишь в некоторых учебниках компилятивного характера. Таким образом, до известной степени был снят и вопрос о пресловутом «греческом чуде», как вслед за Эрнестом Ренаном [Renan 1884: 59–60] называют феномен генезиса совершенно особенной формы культуры на территориях греческого мира.

Изменило характер и противостояние мифогенной и гносеогенной доктрин. Ряд мыслителей предприняли попытки преодолеть их крайности. Так, Уильям Гатри, связывавший генезис философии с отказом (на сознательном уровне) от объяснения природных явлений с помощью мифологических образов (здесь он несколько расходился с позицией своего учителя Корнфорда), вместе с тем настаивал, что связь с мифологией не рвется одномоментно, но продолжает удерживаться за счет имплицитного принятия мифологических концептов. Вся греческая философия, таким образом, находится в близком родстве с мифологией, религией, магией, и даже такой рационалист, как Аристотель, не может порвать с ней полностью, будучи убежден в том, что небесные тела являются живыми существами, что наиболее совершенные формы – круг и шар, а главное на свете число – три [Guthrie 1962: 1–2].

Еще одна «компромиссная» концепция принадлежит французскому исследователю Жану-Пьеру Вернану. В предисловии к русскому изданию

его книги «Происхождение древнегреческой мысли» Вернан предостерегает читателей от слишком резкой интерпретации его позиции, что, мол, судьба греческой мысли разыгрывалась между двумя полюсами – мифом и разумом. Миф и разум не полярны. Выявляя пути, «которые привели к противопоставлению *mythos*'а, понимаемого как выдумка, и *logos*'а, понимаемого как истинное и обоснованное рассуждение», Вернан отмечает: безусловно, само слово «миф» мы унаследовали именно от греков, однако для последних оно имело совсем другой смысл. «*Mythos* означает “слово”, “рассказ” и на первых порах не противопоставляется *logos*'у, первоначальным смыслом которого также является “слово”, “речь”. И только в дальнейшем *logos* стал означать способность мышления, разум. Начиная с V в. до н.э. в философии и истории *mythos*, противопоставленный *logos*'у, приобрел уничижительный оттенок, обозначая бесплодное, необоснованное утверждение, которое не опирается на строгое доказательство или надежное свидетельство. Но даже в этом случае *mythos*, дисквалифицированный с точки зрения истинности и противопоставленный *logos*'у, не распространяется на священные тексты о богах и героях. Подобно многоликому Протею, он обозначает весьма различные реалии: разумеется, теогонию и космогонию, но также всякого рода побасенки, родословные, бабушкины сказки, пословицы, поучения, традиционные изречения, короче говоря, все слухи, которые как бы сами собой передаются из уст в уста. Следовательно, в греческом контексте *mythos* предстает не только как особая форма мысли, но и как совокупность того, что передается и распространяется в ходе случайных контактов, встреч, бесед как безликая, анонимная, неуловимая сила, которую Платон именуется *rhēmē* – молва. ... Сегодня, следовательно, речь идет не о том, чтобы противопоставить миф и разум как двух противников, обладающих каждый собственным оружием, а о том, чтобы путем точного текстологического анализа установить, в чем отличие теогонических рассуждений такого поэта, как Гесиод, и философских или исторических построений его преемников, выявить расхождение в способах композиции и организации материала, семантических приемах и логике повествования» [Вернан 1988: 21–23].

Дискуссии относительно происхождения и источников древнегреческой философии продолжают, мерно возгораясь по мере появления новых ярких концепций или обнаружения новых источников и мерно угасая на непродолжительное время, чтобы затем вновь вспыхнуть с новой силой. Для проникновения в подлинную, глубинную суть современных дискуссий, не всегда осознаваемую самими диспутантами, необходимо хорошо представлять себе их истоки и контекст возникновения и развития. Это необходимое условие качества преподавания истории философии на гуманитарных факультетах вузов.

Материал поступил в редколлегию 30.04.2015 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бэкон Ф. 1971. Великое восстановление наук. Ч. 1. О достоинстве и приумножении наук // Ф. Бэкон. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. С. 85–546.

- Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли. М. : Прогресс. 224 с.
- Виндельбанд В. 1995. История древней философии. Киев : Тандем. 368 с.
- Винкельман И.И. 2000. История искусства древности // И.И. Винкельман. История искусства древности. Малые сочинения. СПб. : Алетейя : Гос. Эрмитаж. С. 7-302.
- Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. : Мысль. 452 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. М. : Мысль. 524 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1993. Лекции по истории философии. Т. 1. СПб. : Наука. 350 с.
- Гёльдерлин Ф. 1988. Гиперион. М. : Наука. 720 с.
- Гомперц Т. 1999. Греческие мыслители. Т. 1. СПб. : Алетейя. 605 с.
- Лебедев А.В. 1983. Демиург у Фалеса (К реконструкции космогонии Фалеса Милетского) // Текст. Семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М. : Наука. С. 51-66.
- Лебедев А.В. (сост.) 1989. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. О эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев ; отв. ред. И.Д. Рожанский. М. : Наука. 576 с.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Харьков : Фолио ; М. : Изд-во АСТ. 880 с.
- Маковельский А.О. 1999. Досократики. Минск : Харвест. 784 с.
- Монтень М. 1979. Опыты. Т. 1. М. : Наука. 704 с.
- Целлер Э. 1996. Очерк истории греческой философии. СПб. : Алетейя. 296 с.
- Целлер Э. 2006. История философии, ее цели и пути // Логос. № 1 (52). С. 103-108.
- Burkert W. 1982. Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg : Winter. 135 p.
- Cornford F.M. 1957. From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation. New York : Harper Torchbook. X, 275 p.
- Guthrie W.K.C. 1962. A History of Greek Philosophy. Vol. 1. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 539 p.
- Hölscher U. 1953. Anaximander und die Anfänge der Philosophie // Hermes. Bd. 81, ...h. 3. S. 257-271; Bd. 81, ...h. 4. S. 385-417.
- Kirk G.S., Raven J.E. 1957. The Presocratic Philosophers: A Critical History with a Selection of Texts. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 487 p.
- Renan E. 1884. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Paris : Calmann Lévy. 412 p.
- West M.L. 1971. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford : Clarendon Press. XV, 256 p.

References

- Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk* [The Great Instaurations], *F. Bekon, Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1971, vol. 1, pp. 85-546. (in Russ.).
- Burkert W. *Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur* [The Orientalizing Period in Greek Religion and Literature], Heidelberg, Winter, 1982, 135 p. (in German).
- Cornford F.M. *From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation*, New York, Harper Torchbook, 1957, x, 275 p.
- Gompertz T. *Grecheskie mysliteli. T. 1* [Greek Thinkers, vol. 1], St. Petersburg, Aleteyya, 1999, 605 p. (in Russ.).
- Guthrie W.K.C. *A History of Greek Philosophy. Vol. 1. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1962, 539 p.
- Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [The Encyclopaedia Logic: Part 1 of the Encyclopaedia of Philosophical Sciences], Moscow, Mysl', 1974, 452 p. (in Russ.).

- Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Elements of the Philosophy of Right], Moscow, Mysl', 1990, 524 p. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy], vol. 1, St. Petersburg, Nauka, 1993, 350 p. (in Russ.).
- Hölderlin F. *Giperion* [Hyperion], Moscow, Nauka, 1988, 720 p. (in Russ.).
- Hölscher U. *Anaximander und die Anfänge der Philosophie* [Anaximander and the Beginnings of Philosophy], *Hermes*, 1953, bd. 81, iss. 3, pp. 257-271, iss. 4, pp. 385-417. (in German).
- Kirk G.S., Raven J.E. *The Presocratic Philosophers: A Critical History with a Selection of Texts*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1957, 487 p.
- Lebedev A.V. (comp.) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1* [Fragments of the Early Greek Philosophers, pt. 1], Moscow, Nauka, 1989, 576 p. (in Russ.).
- Lebedev A.V. *Demiurg u Falesa. (K rekonstruktsii kosmogonii Falesa Miletskogo)* [Thales's Demiurge. (By the Reconstruction of Cosmogony Thales of Miletus)], *T.V. Tsiv'yan (resp. ed.) Tekst. Semantika i struktura*, Moscow, Nauka, S. 51-66. (in Russ.).
- Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of Ancient Aesthetics. Aristotle and Later Classics], Kharkov, Folio, Moscow, Izd-vo ACT, 2000, 880 p. (in Russ.).
- Makovelsky A.O. *Dosokratiki* [Presocratics], Minsk, Kharvest, 1999, 784 p. (in Russ.).
- Montaigne M. *Opyty. T. 1* [Essays, vol. 1], Moscow, Nauka, 1979, 704 p. (in Russ.).
- Renan E. *Souvenirs d'enfance et de jeunesse* [Childhood and Youth Memories], Paris, Calmann Levy, 1884, 412 p. (in French).
- Vernant J.-P. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli* [Origins of Greek Thought], Moscow, Progress, 1988, 224 p. (in Russ.).
- West M.L. *Early Greek Philosophy and the Orient*, Oxford, Clarendon Press, 1971, xv, 256 p.
- Winckelmann J.J. *Istoriya iskusstva drevnosti* [History of Ancient Art], *I.I. Vinkel'man, Istoriya iskusstva drevnosti. Malye sochineniya*, St. Petersburg, Aleteyya, Gos. Ermitazh, 2000, pp. 7-302. (in Russ.).
- Windelband W. *Istoriya drevney filosofii* [History of Ancient Philosophy], Kiev, Tandem, 1995, 368 p. (in Russ.).
- Zeller E. *Istoriya filosofii, ee tseli i puti* [The History of Philosophy, its Goals and the Way], *Logos*, 2006, no. 1 (52), pp. 103-108. (in Russ.).
- Zeller E. *Ocherk istorii grecheskoy filosofii* [Outline of the history of Greek philosophy], St. Petersburg, Aleteyya, 1996, 296 p. (in Russ.).

Oleg A. Matveychev, Candidate of Philosophy, Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: omlet@km.ru

TO DISCUSSION ON GENESIS OF ANCIENT GREEK PHILOSOPHY

Abstract: The article is a historiographical overview of the main concepts of the genesis of ancient Greek philosophy appeared in the XVIII–XX centuries. The author argues that Greek philosophy was not perceived as an independent, peculiar phenomenon until the XVIII century; therefore, the question of the origins and genesis could not be formulated. “Turning to the Greeks” in the history of philosophy comes from D. Tiedemann, the author of “Zeitgeist” concept. Hegel’s philosophical system and the manifestation of the principle

of historicism in its most complete form had a huge impact on the subsequent development of philosophical thought. Hegel devotes Greek philosophy special place among other stages of the development of the Absolute Spirit; he argues that ancient Greek philosophy was the beginning of philosophy in its proper sense. E. Zeller radicalized Hegelian idea and entered into controversy with Orientalism, which dominated in the beginning and in the middle of the XIX century. Zeller denied any external influence on early Greek philosophy. Simultaneously, Zeller questioned Hegelian apriorism. In fact, the subsequent history of philosophy was developed in polemics either with Hegel or with Zeller. There are several conflicting approaches to the problem of the origin of ancient Greek philosophy in the historical and philosophical doctrines of the XIX–XX century. Methodologically, Hegel's and his followers' apriorism opposed Zeller's empiricism. J. Burckhardt, W. Windelband, T. Gompertz, H. Diels were close to this empiricism. The discussion between the adherents of mytho-genic concept (F.M. Cornford, A. Weber, G. Thomson) and epistemo-genic concept (W. Windelband, T. Gompertz, J. Burnet, H. Diels) was about continuity between philosophy and previous forms of consciousness. In addition, there were thinkers who attempted to overcome extremes of two positions (W.K.C. Guthrie, J.-P. Vernant). The dispute between supporters of autochthonous hypothesis (F. Hölderlin, Hegel, E. Zeller, J. Burnet) and Oriental hypothesis (F. Schleiermacher, A. Gladish, A. Röth, P. Tannery, U. Hölscher, G.S. Kirk, J.E. Raven, W.K.C. Guthrie, M.L. West, W. Burkert) was about internal and external sources of early Greek philosophy. In one form or another, the same discussions continue in our time. In order to enter into a genuine, deep essence of contemporary debates, which is not always recognized by the disputants, it is necessary to know well their origins and the context of occurrence

Keywords: natural-language-of-dialectical-philosophy; formal-axiological-semantics; evaluation-functional-meaning; evaluation-variable; evaluation-function; compositionality.

Keywords: philosophy; history of philosophy; historiography of ancient philosophy; mythology; religion; science; Ancient Greece; genesis of philosophy.